

stant interchanges back and forth across the border created a mutual “diffusion” of Swedish and Russian cultures, but he defers to the work of other scholars to explore such cultural change. He ends on a cautionary note: these two cultures coexisted in a state of pragmatic cooperation and persistent suspicion, suspicion that helped legitimize the Great Northern War. So broad a conclusion about geopolitical tensions is out of character for Selin’s otherwise micro-focused book. Nevertheless this does not detract from the book’s value as a compendium of examples of how early modern states evolved strategies of defining sovereign territory and how border populations struggled to pursue daily life – trade, crime, education, religious refuge – as their communities were disrupted and intersected by a surveyor’s line.

Константин СУТОРИУС

Л. Ю. Посохова. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох. Москва: РОССПЭН, 2016. 550 с., илл. Алфавитный указатель. ISBN: 978-5-8243-2081-7.

ПРАВОСЛАВНЫЕ КОЛЛЕГИУМЫ УКРАИНЫ: ШИРОКИЙ ВЗГЛЯД НА УЗКУЮ ПРОБЛЕМУ*

Рецензируемая книга была написана в рамках международного исследовательского проекта “Ubi universitas, ibi Europa: Трансфер и адаптация концепций университета в Российской империи”, координировавшегося Германским историческим институтом в Москве. Автор книги, профессор украинского Харьковского государственного университета им. В. Н. Каразина Людмила Посохова, ставит своей задачей сравнительно-историческое исследование ~~старейших средних учебных заведений в Российской империи~~ православных коллегиумов на украинских землях. В центре внимания автора – коллегиумы в Чернигове (основан в 1700 г.), Харькове (основан в 1721 г., в городе с 1726 г.) и Переяславе-Хмельницком (основан в

* Данная рецензия написана при поддержке Научного фонда НИУ ВШЭ в 2017 г.

1738 г.). За рамками исследования осталась деятельность Киевского коллегиума (с 1701 г. — академии), ранее изученного гораздо лучше остальных. Книга состоит из пяти глав и обширного приложения, включающего таблицы и цветную вклейку с иллюстрациями.

В первой главе рассказана история возникновения украинских православных коллегиумов в результате заимствования европейской раннеמודерной модели школьного образования, в версии образовательных проектов иезуитов (С. 25-71).

Организации учебного процесса в православных коллегиумах посвящена вторая глава, занимающая больше трети книги (С. 72-265). Она разделена на две части: в первой рассматривается учебный процесс, во второй — методы воспитания. Автор подробно реконструирует учебную программу и поясняет читателям, с какими критериями следует подходить к оценке преподавания трехвековой давности: следует “учитывать дидактическую цель, назначение, методические приемы, которые применяли учителя для достижения педагогических целей” (С. 111, см. также С. 137 и 141). Характеризуя применявшиеся в коллегиумах методы воспитания, автор подчеркивает определяющую роль, которую сыграл Ratio studiorum иезуитов

(“Ratio atque Institutio Studiorum Societatis Iesu”, “официальный план иезуитского образования”, 1599) в формировании учебного плана, наполнении учебных курсов и выборе методов обучения. Эта большая глава кажется наиболее проблемной и уязвимой для критики. Так, отбирая для подробного разбора определенные курсы, автор никак не объясняет свой выбор, оставляя читателя гадать: то ли эти курсы наиболее репрезентативны (не ясно только, чем), то ли не сохранились сведения о других, или сохранились, но автор их решила не анализировать.

Большую ценность и интерес представляет третья глава, посвященная ученикам и учителям коллегиумов (С. 266-371). Выполняя задачу обязательного обучения духовенства, украинские коллегиумы сохраняли черты изначальной иезуитской школьной модели — они являлись всесословными учебными заведениями, допуская выбор выпускниками светского поприща и переход в другие учебные заведения, что отличало коллегиумы от семинарий и академий Российской империи. Автор предлагает интересную классификацию педагогов коллегиумов: “преподаватель-монах”, “молодой учитель” и “профессиональный учитель”. Первые “работали в коллегиумах много лет,

преподавали последовательно несколько дисциплин” и “получили повышение в виде назначения настоятелями монастырей”. Вторые приходили в коллегиум сразу после завершения учебы, “работали несколько лет, женились, принимали священство и получали священнические места в украинских епархиях”. Третий тип сформировался во второй четверти XVIII в. Эти преподаватели с течением времени не меняли вид деятельности, переходя на преподавательские должности в другие учебные заведения (С. 324-325).

Взятые за основу принципы классификации вызывают сомнения, поскольку не только “молодые учителя” приходили в коллегиум сразу по завершении учебы, но и “преподаватели-монахи”. Кроме того, сомнительна целесообразность выделения третьего типа педагогов. Приведенные в книге примеры показывают, что “профессиональность” учителей третьего типа была ничуть не большей, чем учителей первого типа. Они преподавали одни и те же предметы, в той же последовательности. Отличие их академической карьеры заключалось только в том, что она проходила не в одном учебном заведении, а в разных. Скорее, смена места преподавания свидетельствовала не о профессионализации, а о

конкуренции, ограничивавшей перспективы карьеры на одном месте. Преподаватель отправлялся в более престижное учебное заведение (например, в Киевскую академию), или в епархии со свободными вакансиями или дефицитом кадров такого же уровня, где можно было быстрее и проще сделать церковно-административную карьеру. Прежде всего, это были великорусские территории, где доля образованного духовенства была ниже, зато число епархий и монастырей много больше, чем в левобережной Украине (где в середине XVIII в. было всего три епархии). Поэтому смену учебных заведений следует рассматривать скорее как признак социальной мобильности, а не профессионализации. Во всяком случае, в Российской империи середины XVIII в. все еще не сложился тип преподавателя иезуитского колледжа, не просто проработавшего 10-15 лет в одном учебном заведении, но посвятившего всю свою жизнь с ним.

Нельзя не обратить внимания на несколько случаев в истории Харьковского коллегиума, демонстрирующих обратное направление миграции кадров. Так, выпускник коллегиума Гедеон Антонский после завершения учебы преподавал в Московской академии (с 1738/9 по 1743/4 учебный год), а затем был переведен ректором в

Харьковский коллегиум.¹ Воспитанник Киевской академии Константин Бродский преподавал в Московской академии (с 1745/6 по 1752/3 уч. г.), а затем был назначен ректором Харьковского коллегиума. Судя по всему, в Харькове Антонский и Бродский ничего не преподавали и выполняли сугубо административные обязанности, однако в книге оба они упомянуты именно как преподаватели, причем факт предшествующего преподавания в Московской академии упоминается только в связи с Бродским (С. 502), а Антонский назван преподавателем лишь Харьковского коллегиума с 1737 по 1753 г. (С. 501). Эти случаи показывают, что связи Харьковского коллегиума не ограничивались украинскими учебными заведениями (тем более, что Харьков входил в Белгородскую епархию, не относившуюся к числу малороссийских). Поэтому Харьковский коллегиум едва ли оправданно рассматривать в отрыве от той большой образовательной сети, которую составляли учебные заведения духовного ведомства России в XVIII в., независимо от того, на территории какого из современных государств они находились.

Четвертая глава посвящена отношениям коллегиума и мест-

ного общества: в каких зданиях размещались коллегиумы, в каких именно районах города, какую роль они играли в местной социокультурной среде (С. 372-410). В пятой, заключительной главе, обсуждается судьба православных коллегиумов в ходе образовательных реформ конца XVIII – начала XIX в. (С. 411-434). Автор показывает, что у коллегиумов было два возможных пути трансформации: в современный университет или в духовное учебное заведение. Властями был избран второй путь.

Значительный объем информации систематизирован в 17 таблицах, вошедших в приложение. Первая отражает динамику численности учеников в трех коллегиумах по годам, для которых автору удалось найти данные. Вторая, самая большая, представляет алфавитный список 255 преподавателей всех трех коллегиумов с указанием времени жизни, социального происхождения, образования, места и времени преподавания (С. 493-529). Эта таблица дает представление о масштабах кропотливого труда, сделанного автором. Впрочем, она кажется и чересчур громоздкой, и мало информативной. Составляющие ее девять колонок вполне можно было объединить в три,

¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. 18. С. 580, № 378. Т. 18. С. 772, № 569. Т. 19. С. 471, № 343. Т. 20. С. 370-372, № 366. Т. 23. С. 381, n. 282.

при этом в ней все равно не хватает информации о предметной специализации преподавателей и о том, как долго они преподавали свой предмет. Все же имеет значение, преподавал ли учитель четыре года один четырехлетний курс (как обычно было с преподавателем богословия, который за четыре года прочитывал одну лекцию один раз), или четыре раза читал годичный курс (как бывало у преподавателей поэтики или риторики, которые в таком случае прочитывали одну лекцию четыре раза). От этого зависит оценка степени специализации и профессионализации того или иного преподавателя, независимо от общего учительского стажа. Таблицы 3-17 представляют статистические обобщения этой второй таблицы.

Впервые книга Посоховой, посвященная украинским коллегиям, была издана в 2011 г. по-украински. Русскоязычное издание представляет собой не просто перевод с украинского, но и новую, исправленную и дополненную, редакцию. В русскоязычной историографии книга Л. Ю. Посоховой просто не имеет конкурентов, поскольку там образовалась огромная лакуна из-за того, что в последнее время публикации по данной теме вы-

ходили почти исключительно в Украине и на украинском языке. Это первая монография, в которой рассматривается деятельность не одного коллегияума – такие исследования уже существуют, а сразу трех, что позволяет увидеть типичные черты этого типа учебных заведений. Кроме того, книга отличается от имеющихся публикаций еще и опорой на огромный массив первичных источников, как опубликованных, так и, что особенно ценно, неопубликованных – в то время как немногочисленные современные работы по теме ограничиваются не критическим пересказом вторичной литературы. Иногда встречаются случаи дословного переписывания сочинений более чем столетней давности без указания на первоисточник.²

Не будет преувеличением сказать, что труд Л. Ю. Посоховой является наиболее значительной за последние сто лет публикацией по данной теме. В книге учтена вся существующая на данный момент историография украинских коллегияумов, введена в научный оборот масса неопубликованных источников. Подытоживающая сумма современных знаний о трех православных коллегияумах Украины, книга будет интересна

² Примером подобной публикации может служить статья: А. И. Любжин. Харьковский коллегияум в XVIII – начале XIX в. // Вопросы образования. 2008. №3. С. 240-263.

и неспециалистам своим обобщающим характером. Для профессиональных историков она должна стать мощным стимулом проведения специальных исследований, поскольку автор, стараясь всесторонне представить деятельность коллегіумов в панорамном изложении, не отвечает на множество возникающих по ходу повествования частных вопросов и даже не фиксирует их.

С этой точки зрения – признав значительный вклад исследования Посоховой в историографию – к книге можно предъявить ряд существенных претензий. Прежде всего, вызывает вопрос ограничение исследования феномена православных коллегіумов лишь тремя упомянутыми училищами на украинских землях. Понятно, почему автор не включил в анализ Киевский коллегіум, стоящий особняком (как старейший и прошедший долгую эволюцию, в которой формат коллегіума был лишь временным этапом). Но почему в книге (тем более ориентированной на российскую аудиторию) проигнорированы аналогичные учебные заведения на бывших московских землях?

Во введении автор пишет, что, кроме Черниговского, Харьковского и Переяславского коллегіумов, “в Российской империи не существовало других с названием ‘православный коллегіум’” (С. 7). Однако если дело в формальном наименовании, то предметом рассмотрения должен был стать и Смоленский коллегіум (основан в 1728 г.). Можно найти свидетельства того, что и Вятская архиерейская школа в это же время называется коллегіумом.³ Автор и сама пишет, что “использование названий учебных заведений в XVII–XVIII вв. происходило в известной степени свободно” и что название “коллегіум” существовало с наименованиями “академия”, “школа”, “семинария” (С. 54).

В связи с этим возникает проблема терминологической неопределенности в книге. Так, автор пишет, что “упрощенный иезуитами тип академий ... стал ориентиром для Киево-Братской коллегии на пути приобретения академического статуса” (С. 37), а Ярославский коллегіум иезуитов “имел академический уровень” (С. 39). Остается не проясненным, в чем

³ Так, например, в заглавии курса поэтики, который преподавал в Вятской семинарии в 1741/2 уч. г. Михаил Финицкий, указано: in orthodoxo collegio Wiatcensi (В. А. Поздеев. Становление вятской школы поэзии в 60-70-е годы XVIII в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. №3 (1) С. 110b). Также и в заглавии курса поэтики, который преподавал в 1745/6 уч. г. Петр Глемаровский, указано: in orthodoxo Wiatcensi collegio (Там же. С. 111b).

выражались “академический статус” и “академический уровень” и отличались ли они друг от друга и от характера рассматриваемых в книге учебных заведений. Судя по всему, автор некритически транслирует представления, сложившиеся в историографии конца XIX в. С той же терминологической неясностью связано утверждение “должность ректора была только в академиях” (С. 60): Новгородская семинария обычно не называлась “академией”, но возглавлял ее ректор даже тогда, когда в ней еще не преподавались так называемые “высшие науки” (философия и богословие).

Сравнение учебных программ не обнаруживает в учебном плане украинских православных коллегий существенных отличий от Московской славяно-греко-латинской академии или архиерейских школ, возникших на территории России в первой половине XVIII в. (поскольку все они, как писал еще в 1739 г. смоленский епископ Гедеон Вишневский, были “колониями” Киевской академии⁴).

Едва ли можно найти отличия и в административной организации этих учебных заведений, в их отношениях с епархиями, в принципах комплектования преподавательской корпорации и элементах

академического самоуправления. Да и трудно представить себе эти отличия, когда и епархиальными архиереями, и руководителями учебных заведений в Велико-россии были в первой половине XVIII в. почти исключительно выпускники Киевской академии.

Реальные отличия можно обнаружить только в плоскости отношений “коллегиум – общество”, а также в особенностях социального состава учащихся, поскольку украинские коллегиумы, в отличие от великороссийских епархиальных школ, были всесословными учебными заведениями (С. 6). Впрочем, эта общесословность требует контекстуализации. Автор и сама отмечает, что в коллегиумах учились, главным образом, выходцы из духовного сословия. Коллегиумы находились под юрисдикцией епархиальных архиереев, и к этим учащимся отношение в коллегиумах мало чем отличалось от отношения к детям духовенства в великороссийских семинариях: духовенство обязывали отправлять детей учиться, а учащихся всеми способами удерживали в коллегиумах. Если, к примеру, сравнить документы Новгородской семинарии с тем, что рассказывается о коллегиумах в книге Посоховой, то окажется, что отношение как духовенства,

⁴ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II. Т. 1. Ч. 1. Киев, 1904. С. 144.

так и учащихся к образованию было в украинских коллегиумах и Новгородской семинарии схожим. Схожими оказывались и модели поведения учащихся и их родителей. Сопоставимым оказывается и количество учащихся, которые бежали из учебных заведений.

Важным отличием было то, что учащиеся украинских коллегиумов имели возможность покинуть коллегиумы и поступать на светскую службу или в учебные заведения. Но, во-первых, надо прояснить, могли ли воспользоваться этой возможностью дети духовенства. Во-вторых, история, по крайней мере, Новгородской семинарии и Московской академии, знает немало случаев, когда учащиеся отправлялись учиться в светские учебные заведения как в России, так и за границей. Специфику рассматриваемых в книге учебных заведений помогло бы прояснить сравнение их с другими учебными заведениями духовного ведомства в Российской империи XVIII в., однако в книге такого сравнения мы не находим.

Автор никак не обосновывает отсутствие внутренней периодизации в исследовании, охватывающем более чем столетний отрезок времени. Между тем очевидно, что условия существования коллегиумов существенно изменились между началом XVIII и началом XIX вв. К сожалению,

книга игнорирует динамику и направление процессов, происходивших в коллегиумах, представляя их историю как статичный ~~структуралистский~~ портрет. Этот ~~не учитывающий~~ ~~диакроничный~~ ~~анахроничный~~ подход проявляется и в работе с источниками. Так, автор широко опирается на воспоминания бывших учеников коллегиумов, опубликованные в последней четверти XIX в. Благодаря этому интересному и информативному источнику повествование оживает множеством курьезных и забавных случаев из жизни коллегиумов. Однако автор не оговаривает время написания воспоминаний (конец XVIII – первая четверть XIX в.) и событий, упоминаемых в них. В результате информативность этого ценнейшего источника используется минимально, без учета содержащейся в нем информации об особенностях конкретной эпохи. Заимствованные же из них сведения используются для иллюстрации состояния коллегиумов “вообще”, без уточнения десятилетия и даже века и без обоснования допускаемых таким образом смелых экстраполяций. Поэтому неудивительно, что в книге подчас опускаются даты событий или годы преподавания конкретных учителей (С. 80, 81).

Вообще, для исследования, опирающегося на столь богатый корпус источников, уделенное

источниковедческому анализу место кажется слишком незначительным – лишь три с половиной страницы (С. 18-21). В результате рассмотрение некоторых сюжетов оставляет сомнения по поводу обоснованности полученных выводов. Например, очень интересно замечание о том, что “преподаватели коллегий были знакомы и использовали рукописный курс поэтики Феофана Прокоповича” (С. 121). Однако в какие годы и кто именно использовал “Поэтику” Прокоповича и, что самое важное, на каких источниках основывает автор свое утверждение, в книге не указывается. Далее автор, вновь без ссылки на источники, делает еще более категорическое заявление о том, что курсы поэтики и риторики Прокоповича “стали хрестоматийными в XVIII в.” (С. 141). Возможно, это утверждение справедливо для второй половины XVIII в., во всяком случае, известно, что в это время курс богословия Прокоповича оказывал значительное влияние на преподавание богословия. Но в первой половине столетия о “хрестоматийности” курсов Прокоповича говорить не приходится, тем более по названным автором предметам. Курс поэтики Прокоповича очень сильно отличался как от курсов, которые преподавались до него, так и от тех, что преподавались в первой половине XVIII в. – вообще ком-

пильтивных по своей природе. В некоторых случаях в них можно найти следы использования курса Прокоповича, но лишь в качестве одного из источников, причем далеко не главного.

В другом месте, говоря о методах обучения риторике и поэтике, автор пишет, что “учитель вместе с учениками читал пособие, объясняя и разбирая прочитанный отрывок текста” (С. 137), то же сообщается об уроках философии (С. 204). Это – чрезвычайно интересное утверждение, потому что до сих пор не было известно каких-либо свидетельств того, как именно проходили занятия в классах коллегий: что делал учитель и что ученики. Автор, однако, ссылается только на то, что такая “интеллектуальная техника, ‘прилагавшаяся’ к изучению классического текста”, оставалась длительное время неизменной в учебных заведениях Западной Европы. Однако, во-первых, такое умозаключение по аналогии может быть только предположением, а не констатацией, а во-вторых, связь этой “техники” с практикой преподавания теоретических курсов в XVIII в. в книге не обосновывается. Возможно, тексты классиков именно так и разбирались в классе, но остается вопрос, как преподавались сами теоретические курсы поэтики и риторики: диктовал ли препода-

даватель своим ученикам курс, а затем пояснял продиктованное, или они переписывали выданный им заранее текст, какова была доля практических упражнений во время аудиторных занятий (в настоящее время выявлены целые сборники таких упражнений).

~~Характерным примером того, как автор работает со своими источниками, могут служить ее замечания о преподавании в классических языках. Посохова претендует на частичное закрытие этой лакуны, но не проясняет источники своих выводов.~~

Так, книга сообщает, что греческий “в коллегиумах учили обычно два года” (С. 159), оставляя эту важную информацию ничем не подкрепленной. По мнению автора, “свидетельством высокого уровня преподавания латыни можно считать стремление преподавателей к созданию собственных учебных пособий” (С. 85), в подтверждение чего указывается на изданные в 1810–1817 гг. латинские хрестоматии, которые составил ректор Харьковского коллегиума Андрей Прокопович. Однако, во-первых, эти книги были пособиями для преподавания поэтики и риторики на латыни, а не для обучения самой латыни. Во-вторых, упомянутые пособия были хрестоматиями, т. е. сборниками примеров. Преподаватели поэтики и риторики и раньше предлагали их учащимся для переписывания. То, что теперь

их издали типографским способом, может указывать не столько на стремление преподавателей к созданию собственных пособий, сколько на то, что у коллегиума появились средства на печать. В-третьих, сам по себе факт издания учебного пособия (пусть и по теме предмета) не отражает напрямую уровень преподавания в классе. Автор же допускает еще более серьезное обобщение, утверждая, что хрестоматии Прокоповича “стали своеобразным ‘символическим’ признаком передачи латинской культуры от коллегиума к учебному заведению, которое стадияльно следовало за коллегиумом – Харьковскому университету”. Однако на титульном листе издания 1811 г. хрестоматии по риторике указано следующее заглавие: *Chrestomatia Latina pro discentibus rhetoricam in seminariis*. Автор упустила последние два слова, но из полного названия хрестоматии следует, что если и можно рассматривать ее как “признак передачи латинской культуры от коллегиума”, то не университету, а духовным семинариям.

Помимо замечаний историко-ведческого характера, книга Л. Ю. Посоховой вызывает некоторые вопросы историографического свойства. Местами критический подход к существующей историографии сменяется прямой ретрансляцией устоявшихся в ней

положений и штампов. С одной стороны, автор справедливо отмечает (соглашаясь с мнением крупнейшего современного специалиста по истории философии в Киево-Могилянской академии М. В. Сымчича), что наличие книги в библиотеке учебного заведения еще “не означало использования ее в учебном процессе” и что описания библиотечных собраний коллегиумов “необходимо привлекать к реконструкции учебного процесса с большой осторожностью” (С. 197). С другой стороны, рассказывая о преподавании славянского языка, автор пишет: “Можем констатировать, что среди преподавателей коллегиумов существовал интерес и к ‘простому’ языку” (С. 87). В подтверждение этой констатации приводится то обстоятельство, что основатель Харьковского коллегиума Епифаний Тихорский имел в личной библиотеке “Лексикон” Памвы Берынды, который затем был передан в библиотеку коллегиума, а после кончины черниговского архиерея Кирилла Ляшевецкого такой же лексикон был передан в библио-

теку Черниговского коллегиума. Ясно, что не только наличие этих книг в библиотеках коллегиумов не свидетельствует еще об их использовании преподавателями, но и наличие этих книг в библиотеках архиереев едва ли позволяет уверенно говорить об интересах их владельцев. История формирования библиотеки Феофана Прокоповича свидетельствует о том, что большая часть книг попала в нее случайно.⁵

По поводу перевода истории Тита Ливия, сделанного в 1716 г. на русский язык в Черниговском коллегиуме, автор пишет, что “с большой долей уверенности можно утверждать, что эта масштабная работа была совершена с целью дальнейшего использования труда в учебном процессе” (С. 165). Однако автор не указывает, на чем основана эта уверенность, кроме того, что перевод делался преподавателями коллегиума. Этот подход был типичен для послевоенной советской историографии – связывать с учебным процессом все культурно значимые события, в которых участвовал коллегиум или его преподаватели.

⁵ Библиотека Прокоповича, согласно составленной после его смерти описи, состояла из более чем 3192 наименований книг (Н. В. Салоников. Книги немецких и шведских библиофилов в библиотеке Феофана (Прокоповича) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия “История. Филология”. 2008. Т. 47. С. 30а). Но при этом из письма Прокоповича Якову Маркевичу от 10 мая 1720 г. известно, что Прокоповичу по его просьбе были отданы Петром Первым 2500 книг, которые в качестве военной добычи были вывезены в ходе Северной войны из Тарту (Th. Prokopowicz. Epistolae. Typis universitatis caesariae Mosquensis, 1776. P. 32).

К сожалению, хотя в русское издание были внесены изменения и улучшения по сравнению с украинским, однако в него все же попали из украинского издания некоторые фактические неточности.⁶ Эти неточности несколько портят в целом благоприятное впечатление, которое производит книга. Поскольку ученых, специализирующихся в данной области знания, единицы, то главными читателями книги станут неспециалисты, которые, естественно, будут относиться с доверием к представленным в книге сведениям и обобщениям и транслировать далее почерпнутые из книги знания. В связи с этим на автора возлагается повышенная ответственность за аккуратность фактической стороны работы.

В заключение остается сказать, что хотя исследование истории учебных заведений духовного

ведомства в России XVIII в. началось еще в XIX в., однако остается еще множество вопросов, на которые до сих пор не даны ответы. Несмотря на значительные утраты источников, имеется много архивных документов, введение которых в научный оборот позволит как приблизиться к ответу на эти вопросы, так и значительно скорректировать те представления, которые сложились на сегодняшний день в историографии. Книга Л. Ю. Посоховой не только вводит в научный оборот неизвестные документы, но и старается рассматривать их с учетом последних исследований украинских ученых по истории Киево-Могилянской академии, а также иезуитских учебных заведений на территории Украины. Это – одна из лучших современных работ, посвященных архиерейским школам в России XVIII в.

⁶ Например, некоторые повторы текста в украинском издании перекочевали и в русское (С. 12 и 43 русского / С. 9 и 32 – украинского). В обоих изданиях отсутствуют ссылки на цитируемую работу в примечании 52 к первой главе (она пропущена и в списке литературы). Перешли в русское издание ошибки в написании некоторых имен (Франциска Суареса / Соария, С. 141/103), две неточности в латинских словосочетаниях (С. 144/106 и С. 145/106). В другом месте автор пишет, что перечень исторических трудов, который рекомендуется в *Ratio studiorum*, “весьма обширный: произведения Цезаря, Саллюстия, Ливия, Курция, Тибулла, Проперция и др.” (С. 163). Однако, во-первых, элегии Тибулла и Проперция едва ли можно рассматривать как исторические труды, а, во-вторых, в *Ratio Studiorum* имена Тибулла и Проперция упоминаются не в ряду историков, а вместе с другими поэтами, Овидием, Катуллом и Вергилием (*Regulae professoris supremae classis grammaticae*, 1). Наконец, автор пишет, что иезуиты при преподавании богословия “в XVIII в. труды Фомы Аквинского сочетали с богословскими произведениями его последователей – Дунса Скота и Уильяма Оккама” (С. 209). При этом ссылка дается на мою кандидатскую диссертацию. Однако ни Скота, ни Оккама последователями Фомы я не называл, и едва ли кто другой может их так назвать сейчас, а уж тем более в XVIII в.